

Малько В.Л.

ОПЫТ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ОПИСАНИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (на примере стихотворений И. Бродского)

Изучение поэтического текста – проблема не новая для филологии. И, тем не менее, далеко не исчерпанная, чему в значительной степени способствует современное переосмысление методов герменевтики, направленных на эффективное объяснение и понимание произведений словесного искусства.

В данной статье мы рассматриваем метод функционального исследования стихотворных текстов и его применение к анализу стихотворений лауреата Нобелевской премии по литературе И. А. Бродского.

В настоящее время функционализм занимает одно из ведущих мест среди наиболее актуальных направлений отечественной и зарубежной лингвистики. Базовый термин этого направления – “функция” – был заимствован языковедами из терминологического инструментария точных наук. В лингвистической литературе понятие функции впервые дали представители Пражской лингвистической школы. В “Тезисах” пражцев говорилось о том, что “функцией называется задача, цель речевой деятельности”; “язык есть система средств выражения, служащая какой-то определенной цели”, поэтому “к лингвистическому анализу нужно подходить с функциональной точки зрения” [цит. по 3, с. 89].

Основное внимание чешские лингвисты уделили фонологии и функциональной стилистике, а их последователи значительно расширили как понимание самого термина “функция”, так и направления функциональных исследований. Наиболее разработанными областями функционального языкознания в настоящее время являются фонология, морфология, синтаксис, стилистика, семантика и диалектология. Среди отечественных и зарубежных лингвистов, развивавших функциональные исследования, известны А. В. Бондарко, Н. А. Слюсарева, Г. А. Золотова, В. Г. Гак, И. Р. Выхованец, А. П. Загнитко, В. А. Звегинцев, А. Н. Рудяков, Н. Д. Арутюнова, М. Хэллидей, А. Мартине, М. Мамудян, В. У. Дресслер, Р. Д. Ван Валин, У. Чейф и др.

Однако функционализм как научная парадигма не приобрел пока черты консолидированного направления лингвистической мысли и, как справедливо заметили А. Кибрик и В. Плулунян, представляет собой “мозаичный конгломерат направлений, объединенных общим принципиальным подходом”, который заключается в “объяснении языковой формы ее функциями” [2, с. 276].

“Поскольку функциональный подход, – пишет А. Э. Левицкий, – охватывает полифункциональность языка и речевую деятельность (речь), он включает учение о разных функциях языка и функциональных стилях, учение о функциональном строении речевой деятельности и роли отдельных языковых единиц в ее кодировании/декодировании” [3, с. 90]. Очень важен для функционализма и принцип мотивации грамматики дискурсивным употреблением. Ориентация на изучение дискурса – это та фундаментальная характеристика современного функционализма, которая отличает данное направление от многих других лингвистических школ.

Под дискурсом функционалисты понимают одновременно и процесс языковой деятельности, связанный с построением и пониманием естественного текста, и результат такой деятельности, т. е. собственно текст. По мнению представителей этого направления, “каждая единица дискурса, существует не сама по себе, а добавляется говорящим к некоторой другой для достижения определенной цели” [2, с.309], для “выполнения некой социально значимой функции” [4, с. 41], так что текст представляет собой в итоге функциональную систему, направленную на “регуляцию деятельности одного человека другим” [4, с. 32].

Несмотря на то, что функционалистам удалось раздвинуть рамки синтаксического исследования и, разработав принципы дискурсивного анализа, обратиться к понятию “текста”, тем не менее функциональная теория поэтического текста остается непопулярной областью исследования. Среди немногочисленных работ, посвященных данной теме, нам хотелось бы выделить три монографии украинского лингвиста Н. А. Рудякова: “Основы стилистического анализа художественного произведения” (1972), “Основы анализа художественного текста” (1989), “Поэтика, стилистика художественного текста” (1993). Примечательно, что сам автор называет разработанный им анализ стилистическим и связывает его с базовым для художественных произведений понятием стиля как “речевой системы, в которой определяющую роль играет скрытая от поверхностного наблюдения упорядоченность языковых средств, объединенных субъективными моментами значения, заключающими в себе специфическое, идейно-образное содержание – о личности автора и воспроизводимых им персонажей, об их отношении к окружающему миру” [5, с.37].

Однако предложенный анализ можно, на наш взгляд, назвать функциональным, так как очевидна его близость основным положениям функциональных исследований. Н. А. Рудяков рассматривает художественный текст во всем многообразии его природных, функциональных и системных качеств. Обращаясь к природным качествам произведений словесного искусства, он отмечает, что “начатое еще Аристотелем..., продолженное в трудах Горация, Буало, Лессинга и многих других ученых исследование природы художественного произведения открывало в предмете отдельные свойства, но не давало представления о сущности этого эстетического феномена” [6, с. 2]. Все эти сложности объясняются в значительной степени тем, что язык как материал словесно-художественного творчества более сложен по своей структуре, чем материалы других видов искусств. Вслед за Фердинандом де Соссюром, определившим язык как семиотическую систему, Н. А. Рудяков считает, что художественное произведение также системно по своей природе. Все языковые единицы текста включены в эту особым образом структурированную систему, в рамках которой они и функционируют. Как и функционалисты, которые “признают главенствующую роль категории значения для всей лингвистики” [3, с. 8], Н. А. Рудяков объясняет своеобразие природы произведений художественной литературы наличием в них идейно-образного, скрытого от поверхностного чтения содержания, выраженного посредством особой упорядоченности языковых средств текста.

Говоря о функциональных качествах произведений словесного искусства, автор предложенной теории обращается к проблеме функциональных характеристик языка как материала словесного творчества. Он считает, что язык является не только средством передачи содержания мысли, но и способом выражения субъектом своего отношения к этому содержанию, что опять-таки не противоречит функциональному подходу к лингвистическому анализу речевой деятельности, который, по мнению А. Э. Левицкого, “уделяет большое внимание роли человеческого фактора в языке” – тому, “как человек познает и осмысляет... феномены окружающего мира” [3, с.7].

Поскольку языкознание становится наукой о языковой личности, использующей язык для реализации своих практических целей, “коммуникативная функция языка, традиционно считавшаяся основной, уступает свою первенствующую позицию функции воздействия на собеседника или читателя, функции регуляции его деятельности” [6, с.11]. Этот тезис, выдвинутый Н. А. Рудяковым, также согласуется с постулатами современного функционализма, в рамках которого проблема воздействия языка на человека играет значительную роль.

Что же составляет эстетический феномен литературных произведений? По мнению автора рассматриваемой концепции, это не что иное, как “функциональное обособление языковых средств в художественном произведении”, проявляющееся в “их семантике, в художественно-образительных “приращениях” смысла, которое развивается в системе целого эстетического объекта” [6, с. 49]. Об этом системном свойстве словесной формы художественного произведения писали многие лингвисты, не принадлежавшие к функциональному направлению (В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин), но они не акцентировали внимание исследователей на причине функционального преобразования средств общенародного языка. Н. А. Рудяков же по этому поводу пишет, что для того, чтобы выразить в произведении свое нравственное отношение к предмету изображения, “писатель обращается к общенародному языку, в словах и других средствах которого закреплен опыт познавательной деятельности народа, но нет средств, которые бы адекватно отражали результаты познания им предмета изображения. Возникающее таким образом противоречие между субъективностью опыта писателя и объективностью средств общенародного языка обуславливает необходимость новой словесной формы, адекватной самобытному нравственному отношению писателя к предмету изображения” [6, с. 53].

Изменение иерархии семантических признаков в значении слова влечет за собой и актуализацию того или иного признака в ряде других языковых средств, составляющих текст. В результате подобных трансформационных процессов образуется некая упорядоченность языковых средств текста, объединенных, с одной стороны своими предметными значениями, а с другой стороны, субъективными моментами значений, в которых проявляется новизна авторского отношения к окружающей действительности.

Целью предложенного Н. А. Рудяковым анализа как раз и является понимание того, “как функционально преобразованные языковые единицы, объединяясь в единое целое, систему, служат выражением определенного, свойственного только данному художественному произведению образного содержания” [6, с. 72]. Учитывая закономерности, т. е. повторяющиеся существенные связи в стилистической системе каждого лирического произведения, ученый рекомендует включить в процедуру анализа произведений этого жанра следующие задачи: 1) определить, к какому факту объективной действительности поэт выражает свое отношение и как это проявляется на уровне композиции текста; 2) понять, каким образом автор оценивает объект изображения и какие функционально значимые единицы и части произведения передают авторскую позицию. Для решения этих задач необходимо, в свою очередь, произвести внутритекстовое сопоставление языковых единиц; а также с помощью толкового словаря соотнести лингвистические средства художественного произведения с соответствующими единицами общенародного языка; что в итоге позволит исследователю обнаружить семантический сдвиг в слове или другой текстовой единице, который, по мнению Н. А. Рудякова, представляет собой “суть словесно-художественного творчества” [6, с.65].

Рассмотрим в качестве примера стихотворение И. А. Бродского “Люби проездом родину друзей...”:

Люби проездом родину друзей.
На станциях батоны покупая,
о прожитом бездумно пожалей,
к вагонному окошку прилипая.

Все тот же вальс в провинции звучит,
летит, летит в белесые колонны,
весна друзей по-прежнему молчит,
блондинкам улыбаясь благосклонно.

Отходят поезда от городов,
приходит моментальное забвенье,
десятилетия искренних трудов,
но вечного, увы, неоткровенья.

Да что там жизнь! Под перестук колес
взбредет на ум печальная догадка,
что новый недоверчивый вопрос

когда-нибудь их вызовет обратно.

Так поезжай. Куда? Куда-нибудь,
скажи себе: с несчастьями дружу я.
Гляди в окно и о себе забудь.
Жалей проездом родину чужую.

Лексические средства, составляющие данный текст, можно условно разделить на несколько лексико-семантических групп, в зависимости от того, какой семантический признак актуализован в значениях данных слов или словосочетаний.

Первую группу составят слова, объединенные семой 'железная дорога'. Причем часть этих слов содержит данную сему в своем словарном значении, например:

“станция” – ‘пункт остановки железнодорожных поездов и других транспортных средств, курсирующих по определенному маршруту’;

“вагонный” – ‘относящийся к транспортному средству, специально оборудованному для перевозки пассажиров и грузов по рельсовым, в том числе железнодорожным, путям’;

“поезд” – ‘состав сцепленных железнодорожных вагонов, приводимых в движение локомотивом’;

другая часть приобретает указанный семантический признак в контексте:

“проездом” – ‘проезжая мимо’ + ‘на поезде’;

“колесо” – ‘круг, вращающийся на оси и служащий для приведения в движение таких средств передвижения, как’ + ‘вагоны поезда’;

“поезжай” – императив к глаголу “поехать” – ‘отправиться куда-нибудь, передвигаясь при помощи’ + ‘железнодорожного транспорта’.

Во вторую лексико-семантическую группу войдут те языковые единицы, которые актуализируют семантический признак ‘повторяемости какого-либо признака предмета или действия’, а именно:

“тот же” – ‘именно он, не другой, этот же самый’;

“по-прежнему” – ‘так же, как раньше’.

Актуализация данного семантического признака поддерживается и грамматическими средствами, в частности большой частотностью употребления глаголов в форме настоящего времени, обозначающих в контексте повторяющееся, регулярно совершаемое действие: “звучит”, “летит”, “молчит”, “отходят”, “приходят”, а также употреблением деепричастий в форме настоящего времени, со значением признака действия, сопутствующего периодически повторяющемуся действию: “покупая”, “приликая”, “улыбаясь”.

Третью группу, на наш взгляд, наиболее важную для понимания идейно-образного содержания данного стихотворения, составляют языковые средства с семой ‘жаль’:

“(по)жалеть” – 1) ‘чувствовать жалость, сострадание к кому-либо’; 2) ‘печалиться, сокрушаться, сожалеть о ком-либо’;

“увы” – ‘восклицание, выражающее сожаление, сетование по поводу чего-либо’;

“печальный” – 1) ‘исполненный печали’; 2) ‘достойный печали, сожаления’

“несчастье” – ‘тяжелое, печальное событие или положение’.

Четвертую группу образуют слова “любить” (‘чувствовать глубокую привязанность к кому-, чему-либо’) и “дружить” (‘находиться с кем-либо в дружбе, т.е. в отношениях, основанных на взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов’), а пятую – слова “забыть” (‘оставить в пренебрежении, без надзора и должного внимания’) и “забвение” (‘пренебрежение чем-либо, невнимание к чему-либо’).

Особого внимания требуют слова, противопоставленные в тексте по значению. Среди них: антонимичная пара “родина друзей” (‘место, где родился тот, кто связан с кем-либо дружбой’) – “родина чужая” (‘территория, относящаяся к иному государству, стране или народу, чужая земля’); а также находящиеся в семантической оппозиции слова “искренний” (‘выражающий подлинные мысли и чувства; правдивый, откровенный, чистосердечный’) и “неоткровенный” (‘неоткровенное признание, сообщение, в котором говорящий утаивает свои мысли и чувства; неискренний’).

Однако путем перечисления лексико-семантических вариантов, реализующихся в данном контексте, мы не добьемся поставленной цели, т. е. не определим, в чем состоит своеобразие авторских оценки и понимания изображаемых предметов или явлений окружающей действительности. Только посредством сопоставления выделенных лексико-семантических групп и обнаружения точек соприкосновения между ними мы сможем понять идейно-образное содержание стихотворения. И чем точнее мы определим эти области соприкосновения, тем очевиднее приблизимся к идее всего текста.

“Люби проездом родину друзей...” - это стихотворение о том, как автор понимает и оценивает свою жизнь и те взаимоотношения, которые складываются у него с окружающим миром. Неслучаен в связи с такой темой и выбор “пейзажа”, на фоне которого происходят лирические медитации поэта. Жизнь, как считает Бродский, подобна железнодорожному пути: здесь есть свои станции, поезда, расписание... Человек же, являясь пассажиром какого-либо поезда, - это странник, зависящий в равной мере и от обстоятельств, складывающихся помимо его воли, и от собственного выбора жизненного маршрута.

Но не направление в конечном итоге определяет судьбу человека (“Так поезжай. Куда? Куда-нибудь...”), а те чувства как часть мировоззрения, которые складываются у человека в течение жизни. Какие же чувства испытывает сам поэт? Это грусть и сожаление о былом, которое лишь казалось исполненным подлинных

мыслей, а на самом деле не содержало чистосердечных признаний:

...о прожитом бездумно пожалей...

...десятилетия искренних трудов,
но вечного, увы, неоткровенья...

Да что там жизнь! Под перестук колес
взбредет на ум печальная догадка...

С грустью и сожалением поэт говорит о противоречивости своих отношений с окружающей действительностью – о возможности “любить родину друзей” только “проездом”, т. е. бросая поверхностный взгляд на дорогу для себя территорию, чувствовать к ней глубокую привязанность. Такая любовь напоминает скорее ностальгию о давно минувшей любви. А ностальгия, в свою очередь, связана с чувством сожаления, вызванным невозможностью повторить что-либо в жизни, несмотря на то, что отдельные реалии и состояния окружающего мира поддаются воспроизводимости:

Все тот же вальс в провинции звучит...

...весна друзей по-прежнему молчит...

Однако невозможность возвращения в прошлое – факт не столько логический для поэта, сколько духовный. В реку жизни нельзя войти дважды потому, что, взрослея, человек воспринимает окружающий мир по-иному и в соответствии с новым мироощущением переоценивает свое прошлое.

Пытаясь освободиться от печальных воспоминаний, автор движется навстречу своему будущему, попутно внося коррективы в свое обновленное мироощущение:

...скажи себе: с несчастьями дружу я.
Гляди в окно и о себе забудь.

Словосочетание “дружить с несчастьями” означает в тексте ‘смириться с печальными событиями, принять их как должное’, а “забыть о себе” приобретает здесь значение ‘не сожалеть о прожитом, пренебречь печальными воспоминаниями’. Но как же теперь поэт поступит с чувством жалости, ставшим неотъемлемой частью его мироощущения? На этот вопрос автор отвечает следующее:

Жалей проездом родину чужую.

Это значит, что отныне он будет сострадать чужому горю, несчастьям тех людей, с которыми он не находится в родственных или дружеских отношениях. Таким образом, в семантической структуре слов с корнем -жал- происходит семантический сдвиг, в результате которого слова данной группы меняют свою лексическую валентность. И. Бродский убеждает читателей, что в его языковой картине мира семантемы ‘жалеть’ и ‘себя’ становятся несовместимыми. А это значит, что и в концептуальной картине мира поэта произошли определенные трансформации: новизна авторского отношения к окружающей действительности состоит в том, что он осознанно принимает судьбу такой, какая она есть, будучи готовым смириться со всеми ее несчастьями и никогда не жалеть о том.

Примечательно и то, что в судьбе И. Бродского стихотворение “Люби проездом родину друзей...” (1961) сыграло пророческую роль, так как, по сути, предсказало будущую эмиграцию поэта (1972) и связанные с ней переживания: тоску по родине, переоценку нравственных ценностей и физически осязаемое разделение мира на “родину друзей” и “родину чужую”, мира, в котором поэт неустанно искал свое место.

Применив метод функционального анализа к конкретному поэтическому тексту, мы показали, насколько эффективным может быть данный подход для решения одной из кардинальных проблем филологии – проблемы толкования художественных произведений. Рассмотрение стихотворения как функциональной системы позволило нам сосредоточить внимание не на общих, поверхностных идеях изучаемого объекта, а проникнуть в глубину его идейно-образного содержания, обусловленного функционально-семантическими изменениями текстовых единиц.

Литература

1. Бродский И. А. Форма времени: Стихотворения, эссе, пьесы. В 2 т. - Т. 1. Стихотворения/ Составил В. И. Уфлянд. – Минск: Эридан, 1982. – 480 с.
2. Кибрик А. А., Плуныян В. А. Функционализм // Фундаментальные направления современной американской лингвистики/ Под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой и И. А. Секериной.- М.: Изд-во МГУ, 1997.- с. 270 –340.
3. Левицкий А. Э. Функциональные подходы к классификации единиц современного английского языка. – К., 1998. – 362 с.
4. Рудяков А. Н. Лингвистический функционализм и функциональная семантика. – Симферополь: Таврия-Плюс, 1998. - 224 с.

5. Рудяков Н. А. Основы анализа художественного текста. – К.: Наук. думка, 1989. – 152 с.
6. Рудяков Н. А. Поэтика, стилистика художественного произведения. – Симферополь: Таврия, 1993. –146 с.
7. Словарь русского языка: В 4-х т., Ин-т. рус. яз. АН СССР/ Под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1981 – 84.